

Он был предан пушкинской поэзии

Вано Семенович Шадури был большим знатоком поэзии Пушкина, Лермонтова, большим специалистом в области русской литературы.

Сегодня на празднике пушкинской поэзии его нет с нами. Нет блистательного знатока родной грузинской культуры, безгранично влюбленного в русскую литературу, так много сделавшего для изучения ее истории, глубокого осмысления бессмертного наследия ее корифеев. Нет Вано Семеновича Шадури — заслуженного деятеля науки Грузинской ССР, доктора филологических наук, профессора. Нет литературного, отзывчивого человека.

Простой паренек из высокогорного Казбеги, он прошел школу Ленинградского университета. Здесь же закончил аспирантуру. Затем почти полвека отдал Тбилисскому государственному университету, из которых 38 лет возглавлял кафедру истории русской литературы. Его перу принадлежат 40 фундаментальных книг, монографий, учебников для высшей школы, изданных на грузинском и русском языках, более 300 научных работ и исследований, огромное количество журнальных и газетных статей, посвященных актуальным проблемам грузинской и русской литературы, теории литературы, ее методологии. В. С. Шадури был непременным участником, а зачастую и инициатором многих республиканских и всесоюзных научных конференций, форумов и симпозиумов, состоял членом всесоюзных пушкинской и лермонтовской комиссий (незадолго до кончины введен в состав Всесоюзной юбилейной комиссии Союза писателей СССР по проведению 175-летия со дня рождения М. Ю. Лермонтова). Через его доброжелательные и требовательные руки прошли десятки кандидатских и докторских диссертаций. Он был редактором многих книг и иссле-

Игорь БОГОМОЛОВ,
профессор

дований. Казалось бы, всего этого вполне достаточно для того, чтобы вписать свое имя в советское литературоведение. Но заслуги маститого ученого были неизмеримо шире. И главная из них заключалась в том, что он явился основоположником новой научной дисциплины в Грузии — литературных взаимосвязей, создателем целой школы по изучению литературно-культурных отношений русского и грузинского народов.

Конечно, отношения эти изучались и до В. С. Шадури. Однако именно он придал им целенаправленный характер, выработал общепризнанную методологию, сплотил и повел по намеченному им пути мощный отряд учеников и последователей.

Ареал научных интересов В. С. Шадури был поистине необъятным: начиная с V столетия и кончая нашими днями. Однако наиболее часто он обращался к XIX веку. Может быть, потому, что его родной мохевский край стал могучим источником вдохновения Пушкина, Лермонтова и других классиков русской литературы.

Сегодня нет ни одного исследования, посвященного русско-грузинским литературным связям, в котором бы самым щедрым образом ни цитировались труды В. С. Шадури. Есть, к сожалению, и такие, в которых пересказываются его мысли и положения без всякой ссылки. Однажды я как-то сказал ему об этом. Он улыбнулся своей неповторимой улыбкой, которая так красила его, и ответил: «Что ж, значит, мои мысли верные, и это не может не радовать».

Тактичность В. С. Шадури поражала

даже людей, очень близко знавших его. Хорошо запомнился такой случай: для книги «Некрасов и литература народов Советского Союза» я писал работу о переводах на грузинский язык творений великого русского поэта. В процессе изучения материала выяснилось, что стихотворение Р. Эристави «Несжатая нива», опубликованное как оригинальное произведение, является переводом некрасовской «Несжатой полосы». Об этом я рассказал на страницах «Вечернего Тбилиси». Вскоре моя дочь, обучавшаяся в то время на филологическом факультете, принесла мне записку от В. С. Шадури, в которой он очень тактично просил обратить внимание на номер «Литератури газети» от такого-то года. Оказалось, что об этом факте он уже сообщал в небольшой заметке. В первый и в последний раз в жизни я как исследователь почувствовал себя крайне неловко. К счастью, вскоре вышла книга с моей работой, где говорилось: «...Как установил проф. В. Шадури, «Несжатая нива» представляет собой перевод некрасовской «Несжатой полосы». Тут же давалась соответствующая сноска. Вано Семенович никогда больше не возвращался к данной теме. Но для меня это был еще один урок тактичного, доброжелательного и корректного Учителя.

Сегодня Вано Семеновича нет с нами. Это большая потеря для всей советской литературоведческой науки, для пушкиноведения, лермонтоведения, декабристствования... Но есть его книги, которые давно уже стали настольными и которые работают и на сегодняшний день, и на завтрашний день. Поэтому мы и сегодня считаем его полноправным участником нашего светозарного праздника пушкинской поэзии.

ТБИЛИСИ

«Самое главное»

Это, конечно, глубоко субъективное ощущение, но заглавие книги Николая Скатова «Русский гений» (изд-во «Современник») вызвало в памяти известные строчки стихотворения Владимира Соколова: «Для того ли русский гений в поле голову сложил, чтобы сонм стихотворений той же Надобе служил». Впрочем, ассоциация не вовсе неправдоподобная. В том своем более четвертьвековой давности стихотворении В. Соколов едва ли не первым выступил против обывательской легенды о Пушкине, вступился, в частности, за честь его жены, которой молва приписывала роковую роль в дуэли и смерти Пушкина...

Н. Скатов пишет так, будто споров о жене Пушкина в природе не существовало. Он не унижается ни до обсуждения сплетни, ни до осуждения ее. Он попросту ее игнорирует, твердо убежденный в том, что «Гончарова достойно приняла и вынесла судьбу Натальи Николаевны Пушкиной»: «Она не даром стала избранницей поэта, женою Пушкина — она была обычной гениальной женщиной, а что такое гениальная женщина, создавший Татьяну Пушкин хорошо знал».

Такая категоричность автора книги о Пушкине выношена и выстрадана. Она основана на бесконечном доверии к своему герою, на абсолютной вере в правоту его выбора, в неоспоримой справедливости принятых им решений. И на том еще, что, как верно подметил Н. Скатов, «нашему обывательскому человеческому сознанию, наверное, привычнее удивляться хитростям и многоходовым продуманностям интриганов, чем постигать простоту мудрых решений великого». Должно быть, не случайно, что эти слова оказались почти в конце книги Н. Скатова: сделавшись выводом, они окончательно обрисовали и задачу, которую ставил перед собой исследователь: «постигать простоту мудрых решений великого» на всех этапах его жизненного и творческого становления.

Но что такое «простота мудрых решений великого», если не постоянное устремление к духовности, постоянное погружение в нее? А раз это так, то провозглашенная Н. Скатовым задача потребовала для своего осуществления не простого исследования жизни и творчества поэта, но принципиально много, редкого, надо сказать, в нашем литературоведении и очень нужного нам сейчас жанра духовной биографии Пушкина.

В этом жанре и по законам этого жанра написана книга Н. Скатова. Поэтому даже сами названия ее глав — «Детство», «Отрочество», «Юность», «Молодость», «Зрелость», «Мудрость» — не столько обозначают у Н. Скатова те или иные отрезки жизненной биографии поэта, сколько устанавливают вехи стадийного развития пушкинского гения.

Да, и «нормально-гениальное», как называет его Н. Скатов, пушкинское детство — тоже. Ибо и в нем проявилась суть Пушкина: «...Он не "как все" и в то же время он "как все"».

Ибо, как и доказывает Н. Скатов, гений не только и не просто «как все». Гениальность художника — это дар слышать, как не слышал никто до него, видеть, как никто до него не видел, и в то же время свидетельствовать, что так, как он, могут видеть и слышать другие, для которых благодаря ему отныне намного раздвинуто оптическое и акустическое пространство.

«Может быть», — объясняет заглавие собственной книги сам автор, — и самое-то главное — понять: пушкинский гений таков, что здесь в любой произвольности, в всяком, на первый взгляд самом ничтожном, факте всегда выступает и заявляет себя ничем не затененная историческая необходимость, судьба». Отдадим должное исследователю: читатель его книги действительно проникается таким пониманием. А ведь это, как и сказал Н. Скатов, «самое главное».

Геннадий МАРИНИН

Нариман ГАСАНЗАДЕ

Из поэмы

Со вздохом пробудился
ветер спавший,
В просторных высях
ключья туч гоня.
А Пушкин,
сам уже слегка уставший,
Пришпоривал усталого коня.

Путь среди гор —
восторг, очарованье.
Весенней синью
высветлен простор.
Хоть май настал,
но и его дыханье
Прохладно —
пусть и радуется взор.

Вон пик — похож на кивер он
солдатский,
Угрозой скрытой дышит крутизна...
Подумалось о площади Сенатской,
Припомнились казенных имена.

Пусть он, поэт,
избег петли и пули,
Но кара — вот она, совсем близка.
Он — друг бунтовщиков...
Не потому ли
И едет он в кавказские войска?..

Природа — ни коварства,
ни вранья,
Ласкала слух и радовала око.
Пришпоривал усталого коня
Поэт, вздыхающий порой глубоко.

Перевел с азербайджанского
В. СЕМЕНОВ

И сени расширял густые
Огромный, запущенный сад.
Приют задумчивых дриад.

(«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»)

Фото А. КАРЗАНОВА